

Елена Глебова

Такси на комодe

«Любовь можно заслуженно назвать трижды вором -

она не спит, смела и раздевает людей догола».

Диоген

Часть 1

Экзамен

Шеремет сидел неподвижно у полураскрытого окна. Его тёмные очки нервировали экзаменуемых. Вообще у кgbэшников была отвратительная манера держать себя на экзаменах — никогда, глядя со стороны, не понять, куда направлен взгляд человека в тёмных очках. Может, он дремлет или отдыхает с закрытыми глазами, а, может, в упор тебя разглядывает, пытаюсь подловить на шпорах. Эта маленькая такая невинная, на первый взгляд, уловка, как минимум, раздражала. Возникло ощущение, будто с тобой играют краплёной колодой. Двенадцать человек. Вся подгруппа прошла проф. подготовку и сдавала языковой экзамен. Шеремет устало зевнул. Сложно принимать экзамены у девчат семнадцати лет отроду, где одна красивее другой, но условия

обучения в языковой спец. школе были регламентированы. Билеты с темами розданы, и теперь кудрявые и чернобровые, голубоглазые и курносые, веснушчатые и лопухие сидели и строчили каждая на своём листочке.

Уже ближе к обеду, когда зачётная ведомость была полностью заполнена, и экзаменуемый класс распущен по домам, к Шеремету заглянул Фёдор Сопойко:

— Ну, как твои горлицы? Хороши, не правда ли? Это не у курсантов в военном училище экзамены принимать. Как успехи?

— Да ничего так, — Шеремет вновь устало зевнул и равнодушно добавил, — я бы троих из них выделил: те две, которые рядом писали на первой парте, и ещё большеглазая такая, как её, Нелазская. Умница-девочка. Память отличная, и, знаешь, по-моему, та ещё штучка. Она им всем ещё хвосты накрутит.

— Это в каком смысле? — Сопойко даже перестал жевать свой бутерброд. Его не изуродованное интеллектом лицо, не особо обременённое какими-либо мыслями выражало тупое непонимание: что значит «накрутит хвосты».

— Это, Федя, редкое сочетание красоты и ума. Девка будет видная. Берём в обработку. Нам такие и нужны.

— Эта пигалица что ли, которую из-за портфеля не видно? — Сопойко чуть не поперхнулся бутербродом, который колом встал в горле от удивления.

— Это она перед нами, Федя, пигалица с портфелем, а переодень её и причеши — такого сотрудника ещё поискать надо.

— А этих двоих с первой парты берёшь? — Сопойко был поражён такими умозаключениями Шеремета. Шеф порой убивал его наповал. Женщины меньше, чем в четыре обхвата, вообще Сопойко не воспринимались и не рассматривались как класс. Какая красота может быть у спичечного коробка? Ножки — как карандаши в карандашнице, тощая, как перепёлка, и маленькая, как из блокадного Ленинграда. Ну, личико смазливое, но четыре обхвата — это вещь. Худосочная, хлипкая, как цыплята по рубль ноль пять, тут и личико не поможет....

— Этих с первой парты — в резерв, — устало заключил Шеремет, — оформи протокол, Федя, и завтра вызывай на собеседование всех троих.

Часть 2

Родина сказала: «Надо». Партия ответила: «ДА»

Лида Нелазская в свои семнадцать лет никогда не курила и даже не пыталась. Вместо этого она с детства грызла сначала ногти, затем карандаши. Размякшие обгрызенные края карандашей и ручек с головой выдавали её внутреннее нервное состояние. Она крутила и кусала их, даже не замечая того, как обычно курильщики крутят сигарету. Эту отвратительную привычку она сохранила за собой на всю жизнь. Языковой экзамен Лида сдала на «отлично», что, впрочем, было не удивительно, но снова из портфеля выпал «съеденный», утративший былую форму карандаш, и неприятное ощущение возобновилось. Инструктаж... А что ещё можно было ожидать по окончании специализированной школы?

Обладая природным очень острым, восприимчивым и хватким умом, Лида впитывала знания, как губка. Выросшая в захудалой деревеньке, по воле случая она приехала к тётке в город и осталась там учиться. Тогда Лида впервые увидела, что кроме варёной картошки, солёных огурцов да репы с варёными яйцами, на столе бывает мясо, а ещё сгущёнка, а по праздникам даже приличные конфеты. В городе Лида впервые в своей жизни попробовала мороженое в бумажном стаканчике с деревянной палочкой, кубики «какао с молоком» и томатный сок, в который добавляли

соль по вкусу одной и той же ложкой из содового раствора все подряд, кому не лень. Для Лиды всё это было в диковинку, своеобразным деликатесом и непозволительной ранее роскошью. Тётка перекроила своё старое пальто, вывернула его ткань наизнанку и за несколько ночей сострочила Лиде пальтишко по фигуре. Это перелицованное тёткино пальто Лида сохранит на всю свою жизнь, как миллионеры хранят до конца своих дней первую заработанную ими лично монету. О том, чтобы возвращаться обратно в Нелазское, в свою маленькую позабытую Богом деревушку, чтобы стать там дояркой или почтальоном — об этом не было даже речи. Такой вопрос перед Лидой не стоял в принципе. Тётка, работавшая зав. магом, как только выяснилось, что Лида делает успехи в учёбе и даже не малые, по протекции быстро перевела девочку в спец. школу с профильным языковым уклоном. И теперь в портфеле Лиды Нелазской лежал аттестат об окончании средней школы с отличием. Лида свободно переводила без словаря и на ура владела иностранной разговорной речью. И всё, как бы хотелось, но инструктаж портил всё дело.

«Доносить на товарищей, — Лида снова произвольно зажевала кончик карандаша «конструктор тм», — как это? Болтать с девчонками, работать вместе с ними, а потом

доносы втихаря строчить?! Ну, это не доносы, а «информирование руководства». Надо же так обозвать и перевернуть с ног на голову привычные понятия! А как я им всем буду в глаза смотреть? А смогу ли я это сделать? А вдруг этот Шеремет и с остальных взял подобную расписку о согласии в сотрудничестве? Я — на них, а они — на меня... Господи, как же это меня так угораздило?! Я не хочу! Не хочу! Не могу и не буду! Мне противно, отвратительно и мерзко всё это! Ну, а куда теперь?! Если даже гипотетически представить, что я рву контракт по каким-то причинам и уезжаю обратно в Нелазское, в эту дыру? Кто я там? Что я там? Я знаю два языка, свободно излагаю мысли и на том, и на другом, безошибочно пишу все языковые диктанты и сочинения, у меня самые высокие баллы в группе по аудированию, вполне приемлемое для русских произношение. Мне в Нелазском всё это коровам рассказывать? Господи, что делать-то? А если не доносить? Если писать не всё, что слышишь и видишь? А вдруг кто узнает, что из меня стукача сделали? Что говорил Шеремет? Что я — комсомолка, и в том, чтобы информировать партийное руководство обо всём, что происходит среди коллектива — в этом нет ничего зазорного и скабрёзного, это нормально, это просто необходимо для выявления и устранения аполитичных, социально безответственных и

морально разлагающихся членов советского общества. Ведь так?! А что же тут плохого? Нашему обществу и впрямь не нужны антисоветчики, а враги могут быть везде, даже среди, казалось бы, самых обычных людей. И даже среди своих. Враг не дремлет, как говорил Шеремет. А Шеремет ошибаться не может. Так, может, всё не так уж и плохо? Он направил меня на дополнительные курсы, через полгода буду знать французский минимум. Да, третий язык просто необходим, и тогда — официанткой в «Медведь». Да мне половина Черяпинска будет завидовать, — карандаш смачно хрустнул, и девушка мгновенно пришла в себя. Вопрос о дальнейшем плане действий уже не стоял. Лида подписала все бумаги в кабинете Шеремета и готовилась к освоению новой, такой удивительной и манящей, многообещающей и завидной для всех должности.

За те полгода, пока Лида в ускоренном режиме осваивала азы французского языка, её, как будущую сотрудницу валютного ресторана «Медведь» тестировали на всевозможные нештатные ситуации. Она выучила все правила европейского этикета. Девушка безукоризненно знала основное и дополнительное меню, могла на любом из трёх языков свободно прокомментировать состав и способ приготовления любого из блюд, знала всю винную карту, а также

совместимость алкогольной продукции с предлагаемыми рестораном блюдами. Золотая заповедь «Медведя» заключалась не только в том, чтобы сытно, вкусно и максимально дорого накормить и обслужить иностранных гостей, но и чтобы эти гости захотели вернуться вновь и оставить в «Медведе» половину своего гонорара. Закрытое заведение для иноземной элиты. Было продумано всё до мелочей. Московская «Астория» и питерский «Метрополь» казались школярами на фоне «Медведя» из захудалого, никому в то время особо не известного провинциального Черяпинска.

Маленький городок на периферии. Во время войны здесь был тыл, во многих дореволюционных каменных старинных постройках располагались госпитали, о чём свидетельствуют мемориальные доски, которые и по сей день украшают фасады этих зданий. Больше половины городка в то время было застроено деревянными скособенившимися домиками, с кривыми крышами и проваливающимися тротуарами из не строганных досок. Уродливые колонки с ключевой водой, как гигантские клювы, торчали подле дорог и дополняли мрачный убогий городской пейзаж. Лида же видела в городской романтике надежду на будущую благоустроенность. Нищета, безысходность, беспросветность в родном Нелазском выгнали её в Черяпинск, который

молодел и обустроивался медленно, но верно. Около крупнейшего на северо-западе металлургического комбината, который отстроили после войны заключённые, стали вырастать кирпичные хрущёвки. Кирпичные пятиэтажки появились и около вокзала. А в центре стояли оштукатуренные двухэтажные чудной красоты домики, которые строили пленные немцы. Надо сказать, что эти дома, напоминающие постройки в Калининграде, прекрасно сохранились и живы до сих пор, а квартиры в них не купить даже за большие деньги — раритет, одним словом.

Маленький городишко Черяпинск имел в то время огромное будущее. Настоящая пром. зона, он, как чертозианская мозаика, был собран из разнородных промышленных производств. Сюда стекался рабочий класс со всего Союза, город разрастался, приезжим от предприятий выделялись комнаты в общежитиях, а некоторым счастливицам даже доводилось получить квартиру в какой-нибудь новенькой при заводской хрущёвке. И Лида уже грезилась своим углом, хотелось съехать от тётки, хотелось расправить крылья и начать свою взрослую самостоятельную жизнь. Вот ещё кто бы подсobil. Наушничать, нет, не наушничать, а выполнять чётко и сухо, строго и без эмоций, скрупулёзно и педантично, аккуратно и беспрекословно свои обязанности в коллективе.

Она — не только официантка элитного ресторана, она — сотрудник органов, а это звучит гордо. «Родина сказала «надо» — партия ответила «да»». С этим девизом девушка уснула на своей скрипучей раскладушке под старым заштопанным пледом. Сгрызенный карандаш выпал из худенькой полудетской руки и закатился к плинтусу за связанный из тряпок цветастый самодельный мещанский коврик. На спящую девочку пока ещё безмолвно взирали огромные настенные старинные часы с гирями. Их равномерный стук убаюкивал. На полированном столе, сложно сказать, где и у кого раздобытом тёткой, вместе с газетой «Правда» лежало деревянное расписное пасхальное яичко. В Бога официально никто не верил, но и тётка, и сама Лида очень дорожили этим сувенирным яичком, словно оно связывало их с прошлым какой-то невидимой, очень тонкой, но прочной ниточкой. Вязаная крючком незамысловатая скатёрка, самовязанные домашние тапочки-следки, шторы, перешитые из старого порванного покрывала, «История КПСС» в матерчатом изумрудного цвета потрёпанном переплёте и стакан в металлическом подстаканнике — эти предметы Лида сохранит в своей памяти до самой старости.

Часть 3

«Студентка, комсомолка, спортсменка

и просто красавица девочка Лида» или дебют Нелазской

Дворники ещё с пяти утра вручную, покрываясь потом на морозе, усердно, с характерным вынимающим душу скрежетом совковых лопат, расчищали заснеженные дворы, чтобы рабочий класс мог как-то добраться до автобусных остановок. Редкие переполненные автобусы ходили из рук вон плохо. Их упорно ждали озябшие граждане, проклиная советский быт и втихаря обещающие себе непременно проехаться «зайцем» и не компостировать свой автобусный билетик. А если контролёр нагрянет? А чтобы нагрянуть, надо сначала в этот автобус влезть, а коли влез — научиться дышать, стоя на одной ноге на последней ступеньке. И главное — не выпасть навзничь на спину при открывании дверей, что случалось не редко. На дворе стоял январь 1971 года. Ленивая «двойка-экарус-гармошкой» выплюнула часть своих пассажиров недалеко от кинотеатра «Радуга». Лида с оторванной пуговицей на пальто и испорченным настроением, с оттоптанной мужчиной с ребёнком ногами и вязаным беретом, съехавшим на одно ухо, шустро бежала по направлению к «Медведю». Опаздывать было нельзя. Можно было приехать неумытой, без причёски, больной с температурой, но только не

опоздать.

Вообще порядки «Медведя» очень сильно напоминали армейский быт. Лиде первым делом выдали форму: дорогие чулки в сеточку, кожаные чёрные туфли лодочкой на высоком каблуке с модным в то время названием «полбуханки», короткую шерстяную юбку-шестиклинку, тоже чёрную из добротной дорогой прибалтийской ткани (где они такую ткань раздобыли — одному Богу известно, но юбка приводила Лиду в неопишуемый восторг) и кипельно-белую достаточно строгую блузку с умеренным декольте. Вроде бы и не совсем политкорректно, но в то же время даже придирчивый Шеремет ни слова не сказал против, когда утверждал форму для штатных сотрудников «Медведя». Достаточно элегантный образ дополнял белоснежный накрахмаленный кружевной передник и такой же кружевной головной убор, который вставляли спереди в причёску «бобетта». Это была кружевная диадема, которая могла украсить практически любой тип лица. Лиде «поставили» походку, показали, как правильно ставить ступни ног, находясь подле клиента, как грациозно наклоняться всем корпусом, но в то же время достаточно элегантно, как не уронить блюда в несколько этажей на одном подносе, как и в какие именно фужеры, рюмки и бокалы наливать алкоголь, как изящно и непринуждённо, а вместе с

тем незаметно и быстро менять наполненную пепельницу, если гости изволят курить, и множество нюансов, в том числе как вежливо, тактично и деликатно отказаться от предложения услуг иного характера. Жизнь закружилась в целом водовороте событий. Перелицованное тёткино пальто давно утратило свою актуальность.

Первую в своей жизни зарплату Лида принесла домой и выложила на полированный тёткин стол около расписного пасхального яичка. Девушка так долго жила без денег, в нищете и постоянной экономии на всём, что теперь не знала, что с ними делать. Вот они лежали перед ней ровной стопкой. Дрожащей рукой Лида расписалась за получение своей первой в жизни зарплаты в кассе ресторана. Бухгалтерша сурово взглянула на девочку и строго заметила: «Не трясись так. Это всего лишь бумага». Перед Лидой и в самом деле лежала бумага, цветная, долгожданная, заслуженная упорным многолетним трудом бумага, открывавшая мир возможностей маленькой Золушке. Ради этой стопки купюр Лида подписала соглашение о сотрудничестве в кабинете Шеремета. Ради этой цветной бумаги она не вернулась обратно к себе в деревню. Ради этих банкнот девушка продавала свою красоту и молодость, зная три языка и работая «принеси-подай-выйди вон». Лида разложила деньги веером, потом принялась

пересчитывать их снова и снова, и чем дольше считала, тем всё сильнее улучшалось её настроение.

Строгие, правильные, выверенные со всех сторон Лидины отчёты регулярно ложились на стол Шеремета. Лидино положение крепло в коллективе, а красота Лиды, как бутон тюльпана, стала раскрываться на глазах и посетителей, и всего рабочего коллектива ресторана. Десятки мужских взглядов скользили по точёной Лидиной фигурке. Повторяя сотни раз одни и те же названия блюд и типичные разговорные общеупотребительные фразы, девушка поймала себя на мысли, что стала даже думать на других языках. Филологи так и полагают: глубинное знание, истинное понимание чужого языка наступает именно тогда, когда человек непроизвольно начинает думать на нём. И этот интересный факт Лида стала замечать за собой не раз и не два. Маленькая, худенькая, с точёным силуэтом фигуры она напоминала рюмочку. Её невероятно тонкая талия обращала на себя внимание практически всех посетителей «Медведя». Стройные Лидины ножки смотрелись несколько смешно в туфлях с громоздкими каблуками «полбуханки», но такова была дань моде, впрочем, Лиду это мало тревожило. Прекрасно сознавая себе цену, Лида вскоре отчётливо поняла, что она — украшение «Медведя», и именно ей ресторан обязан такими

валютными выручками и постоянным бронированием практически всех столиков.

У входа круглосуточно дежурил швейцар. Одетый в элегантно сшитую, идеально подогнанную по его фигуре форму, старый Юрич, седой, уже в преклонных годах, имел вид благородный и услужливый. Крайне подобострастный и внимательный к каждому иностранному гостю, Юрич мог запросто столкнуть со ступеней «Медведя» за шкварник любого жителя Черяпинска, а если простой советский гражданин оказывался глух к намёкам на свою несостоятельность в плане посещения приличных мест, то заканчивал своё дефиле полётом шмеля. Сколько же раз Юрич выслушивал вопросы о маленькой хорошенькой Лидочке, и кто только не интересовался этой голубоглазой красоткой с крашеными волосами цвета спелой пшеницы. Юрич долго соображал, что находили в ней эти солидные, сытые, лощёные иностранцы с раздутыми кошельками, важно и чинно, с нескрываемой долей высокомерия и любопытства смотревшие на русских женщин. Что же? Они играли её, а она играла их. Растворяясь в аромате «опиума», который ощутимым волнующим шлейфом следовал за маленькой Лидой, она хлопала своими длинными ресницами, подкрашенными тушью «Филипп Морис» и исчезала в подсобке ресторана. Вся

фарцовка Черяпинска знала эту молодую капризную особу, готовую выложить за югославские сапоги, джинсы-клёши или шляпу-сомбреро нереальную сумму. Уверенность в себе подкреплялась множеством побед. Лида под конец устала отчитываться перед КГБ, где дотошный Шеремет взывал к её благоразумию, что, дескать, нельзя встречаться с иностранцами и «лить воду на мельницу капитализма». Немец сменился французом, француз — снова немцем, но уже другим. Как переходящее знамя, красивая молодая женщина пожимала руки скучающим иноземным господам, жизнь которых по вечерам украшал «Медведь» с варьете по субботам.

Часть 4

**У красоты нет имени, у красоты нет
голоса, но власть её такова, что ни
имя, ни голос не требуются**

— Слыхала? — Акулька мыла посуду, её проворные руки в резиновых тонких перчатках суетливо намыливали стопку дулёвских тарелок, — Ва-а-аль, япошки приехали!

— Ух, черти нерусские! Понаехало же их! — Валя бойко забирала чистую вымытую посуду и расставляла по шкафам.

— Так аммиак первый строят на химике. Всё оборудование импортное, японское. Немцы свой блок достроили, французы запустили свою линию. Вот теперь будут японцы строить. Долгострой, не на один год растянется. Под них специальное меню разрабатывается. Все продукты из Москвы самолётом.

— Вот любопытно взглянуть, — мечтательно продолжала Валя, — слыхала я, они все стра-а-а-а-ашные, — девушка довольно фыркнула, отвлекаясь мысленно от набившей оскомину посуды, — все на одно лицо. Ножки коротенькие, глаз не видно совсем, как наши эскимосы.

— Да, вот скоро увидим. Куда ж им ехать на обед, кроме как к нам? «Волна» принимает иностранцев, но там скромнее гораздо, да и дисциплина хромает. Там кто-то умудрился подать свежих яблок в качестве закуски к коньяку! — Акулька с наигранным возмущением старательно намывала свои тарелки.

— И чем всё кончилось? — Валя вся превратилась в слух, закрыла дверцу посудного шкафчика и всем корпусом развернулась к Акулине.

— Чем-чем... Скатерть вместе с сервировкой и всем, что там было — просто свернули и вынесли из зала. Замыли быстро пол, но зрелище-то жуткое.

Вечер у всех испорчен. А официантку ту выгнали этим же днём. Несовместимость продуктов и жуткое несварение — всё вокруг было уделано. Стыдобища! А ведь всех девок учат, что можно подавать как закуску, а что ни в коем разе.

— А, может, она специально яблоки-то свежие да к коньяку? — Валя в эти секунды забыла и о посуде, и о работе, погрузившись в мечтательный мир не существующего, — может, достал своими приставаниями, вот и принесла яблочки да под коньячок.

— Да, кто их знает, этих хилятиков забугорных. Они и пить-то не умеют. Им пробку от шампанского поставь — они уже и во хмелю. Может, и специально, да только мозгов надо не иметь, чтобы так по дурости работы такой лишиться, — Акулька непонимающе пожала плечами и приветственно улыбнулась входящей на кухню Лиде Нелазской.

— Привет, мамзель! Говорят, японцы едут. Как тебе такой расклад? — Акулька искренне любила Лиду. Ей хотелось хоть как-то развеселить девушку. Все знали о Лидиной сердечной привязанности, настоящей, острой, ноющей, стопроцентной, искренней и... безнадёжной.

Красотка с цветом волос спелой пшеницы, уверенная в себе, немножко дерзкая, прекрасно двигающаяся и свободно болтающая с

иностранцами, Лида терялась и замолкала при появлении Володи. Это был гитарист из «Белых грифов», маленького местного вокально-инструментального ансамбля. Сначала «грифы» играли в парке на танцплощадке под открытым небом. Но это длилось не долго. Вскоре элегантный, с шиком одетый пузатый дяденька с проплешиной на полголовы сделал ребятам предложение, от которого невозможно было отказаться. Грифы покинули парк и стали зарабатывать сначала в одном, а потом уже в другом, более солидном, ресторане. Подобно знаменитой ливерпульской четвёрке все мальчишки из грифов знали себе цену. Слава уродует. Известность развращает. Поклонницы брали штурмом чёрный вход в ресторан, куда «грифы» прибывали к назначенному времени, дежурили под окнами, караулили молодых людей у подъездов. Обычные ребята, влюблённые в музыку, исполняли в силу своих вокальных данных все вертевшиеся на слуху в то время мировые хиты, пели, как могли, точнее, как могли — так и пели, но главное было не в этом — четыре «грифа» в расклешённых вельветовых брюках и зауженных в талии ярких аляпистых рубашках с удлинёнными воротниками и рукавами на запонках, в лакированных узких туфлях были вызовом всему серому, набившему оскомину и обыденному, как яркие ослепительные

лучи солнца, они врывались в бесцветный, задымлённый, пропахший выбросами металлургического комбината Черяпинск, который отстраивали ээки. Как розы на пустыре, как соловей в чаще, как радуга в сером небе после дождя, они были радостью, праздником, живым глотком свежего воздуха, тем эмоциональным всплеском, которого так не хватало в рабочей, погрязшей в ударных пятилетках и достижениях провинции. Человек должен работать, чтобы жить, а не жить, чтобы работать. И «грифы», являясь живым воплощением полёта человеческой души, как магнит, манили за собой всю прогрессивную молодёжь захудалого Черяпинска. Лида, в послужном списке которой числилось немало побед, чей шлейф поклонников поражал даже выдавшего виды Шеремета, была поймана в душе и побеждена обычным парнем с гитарой, имя которому «Володька из «грифов»». В жизни грифа-Володьки Лида промелькнула воспоминанием длиной в полтора месяца. На большее Володьки не хватило. Знаменитого «грифа» окружало столько красоты, доступной, яркой, впечатляющей, каждый раз новой, что Лида с её пшеничными волосами и осиной талией была одной из многих, милovidным эпизодом, глотком вина, вдохом и выдохом одновременно. Володька так запутался в своих многочисленных пассиях, что

зачастую здоровался по привычке, даже не пытаясь напрячься и вспомнить, что за лицо улыбнулось ему в очередной раз в толпе. Лида переживала эту сердечную неприятность, как Наполеон поражение при Ватерлоо. Сильно исхудавшая, тонкая, как спица, с точёной фигуркой-рюмочкой, почти воздушная, она дразнила своею красотой заморский чванливый мир. Иностранцы были в полном восторге от русской барышни, раздающей авансы направо и налево, а в итоге утиравшей носы всем, кто особенно жаждал продолжения общения. Красивой женщине позволено многое. Как говорил Людовик XIV, «среди женщин нет чинов». И маленькая официантка, чей инструмент — поднос да пара каблуков, сводила с ума довольно многих. И ведь здорово провести обед в общении с остроумной хорошенькой женщиной, и кто знает, что сулит в будущем такая беседа для обеих сторон.

Этот день мало чем отличался от остальных. На кухне царил армейский порядок. Вышколенные повара и посудомойки в накрахмаленных халатах с поварскими колпаками на головах под зычные крики шеф-повара носились в броуновском движении по всей кухне, и, что самое интересное, из этого хаоса рождался поразительный порядок: блюда подавались вовремя, оформление каждого блюда было сродни произведению искусства, качество приготовления было отменным, поскольку

все, как один, работали на единую цель — не оплошать, не ударить в грязь лицом перед иностранцами, пусть знают буржуи, что в Союзе понимают толк в вине, женщинах и вкусной еде. Шеремет сгорбленной фигурой протиснулся на кухню и властно подозвал к себе администратора. Быстро распорядившись, администратор принял от Шеремета стопку накладных, а затем склад ресторана стал судорожно заполняться коробками с удивительным содержимым — это были полуфабрикаты для приготовления национальных японских блюд. В Черяпинск-таки пожаловала японская делегация.

Фантазийные чулки дополняли новенькую только что сшитую униформу официанток. Отражение зеркал ловило ловкие точёные девичьи фигурки, каждой из которых было не более двадцати пяти лет. Не велик срок годности в такой, казалось бы, незамысловатой профессии. Девчата поправляли новые костюмы, подтягивали чулочки, как говорил всё тот же Шеремет: «Лучше морщины на лице, чем морщины на чулках». Лаковые туфельки по последней моде сверкали своими тупыми круглыми носами. Чужое платье, эта новая форма, как костюм лицедея, преображала и доставляла удовольствие и тому, кто носил, и, разумеется, тому, кто её лицезрел. Новое меню учили хором вслух. Язык можно было сломать от

причудливых, чуждых слуху русского человека названий блюд.

Лида, полностью поглощённая новым нарядом и своей нескладывающейся жизнью, не ждала от будущего ничего — ни хорошего, ни плохого. Девчонки из предыдущей смены судачили об интересной делегации, обсуждали каждого, кого высмеивали, кем-то восторгались, а над кем и остро подшучивали. Внимание всех без исключения привлекал какой-то странный японец, который превосходно владел русским. Если с остальными официантки общались на английском, то с этим японцем общение давалось легко, непринуждённо и приятно. Что самое интересное, японец тот внешне здорово отличался от своих земляков.

— Какой хорошенький! — слышалось в кулуарах кухни среди громахания льющейся воды и посуды.

— Хорошенькой может быть женщина, — скептически отозвалась Лида, — если хорошенький мужчина — это полная беда...

Комментарий сорвал взрыв весёлого хохота. Настроение у всех было приподнятое.

— А ты взгляни на него. Все, кто видел, все в полном восторге! — Акулька интригующе подмигнула Лиде и слегка подтолкнула её к выходу в зал обслуживания.

Лида, в своей работе всегда видевшая

своеобразный спорт, включила на полную мощность все свои приёмы обаяния. Если многие думают, что красота человека складывается из его внешних данных, то это весьма поверхностное суждение. В Лиде было море обаяния. Вся пронизанная электричеством, эта деревенская девочка умела так себя подать и настолько приковать к себе внимание, что красота и статность остальных девчонок просто меркли перед Лидой. Шеремет инструктировал всех сотрудников органов, но только избранные действительно взяли у него те знания, которыми в полной мере обладают разведчики. Лида научилась «правильному» дыханию синхронно вдоху и выдоху интересующего лица, умела читать по взгляду и настраиваться на одну волну с собеседником, входя к нему в доверие практически после первых нескольких контактов. Это не талант, это знания, подкреплённые длительными тренировками, не более того, и огромное желание добиться намеченной цели, а целеустремлённости Лидочке было не занимать. Поставленная с шиком походка, на которую было взглянуть одно удовольствие, лёгкость и непринуждённость в обращении с клиентом, несколько остроумно брошенных фраз, в то же время напускная скромность, и Лида была в яблочко, не промахиваясь.

Около окна за маленьким с шиком

сервированным столиком на двоих сидел высокий мужчина. Его чудесные прямые чёрные шёлковые волосы лавой стекали на плечи. Тонкий профиль и фигурные очень красивые густые чёрные брови выдавали азиатские черты, очень не свойственные для европейского типа, огромные чёрные глаза с неразличимыми зрачками с длинными густыми ресницами дополняли внешность мужчины, поражая совместимостью несовместимых, казалось бы, черт. Плотно сжатые губы говорили о скромности, но более всего поражал взгляд. Во взгляде этого человека светилось столько благородства и внутреннего достоинства, словно он был вырван из предыдущего столетия или с какой-то другой планеты. Это был не типичный человек из другого мира, и мир этот, иной, непознанный, удивительный и новый светился в его умном проницательном и магнетически притягательном взгляде. Человек этот был в полном смысле очень красив, но его внешняя красота меркла по сравнению с красотой его глаз и глубиной его взгляда. В глазах мужчины отражалась какая-то редкая человечность и глубокое, острое понимание мира, словно эти глаза прожили много-много столетий. Взгляд и очарование человека с богатейшим внутренним миром — Лида сглотнула. Володька из «грифов» на фоне японца, скромно сидящего за столиком у окна,

казался шпаной и фуфлыжником, гопотой и прощельгой, шелупонь, как сказала бы Лида мама из Нелазского. Это всё равно что сравнивать стекляшку с природным корундом чистой воды. Лида сглотнула ещё раз, словно у неё открылось внутреннее зрение. Девушку прошибло током изнутри, мелкая нервная дрожь предательски пробежала по всему телу. Так может волноваться коллекционер раритетных ценностей при виде античного экспоната. Японец был настолько другим, настолько из иного мира, что Лида забыла о собственном выпендрёже и вся превратилась в зрение и слух.

Приняв заказ у японца, спокойного, ровного, как стоячая вода, который держался так просто и естественно, будто уже много лет изо дня в день сидел за этим столиком и давно привык к любопытным взглядам со стороны, Лида нервно вошла на кухню, отложила блокнот в сторону и объявила всем собравшимся: «Моим будет». Эта фраза запечатлелась в сознании каждого. Акулька смотрела на Лиду с раскрытым ртом. Японец и вправду зацепил их красавицу с волосами цвета спелой пшеницы. Вот-те раз....